

Тейлор Эдуард Бернетт

Первобытная культура

**Исследования развития
мифологии, философии,
религии, языка, искусства и
обычаев в 2 томах. Том 2**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Э27

Э27 **Эдуард Бернетт Т.**
Первобытная культура: Исследования развития мифологии, философии, религии, языка, искусства и обычаев в 2 томах. Том 2 / Тейлор Эдуард Бернетт – М.: Книга по Требованию, 2022. – 490 с.

ISBN 978-5-519-76426-1

ISBN 978-5-519-76426-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

никъ демоновъ, источникъ болѣзней, несчастій и мудрости, который появляется въ образѣ змѣи на ихъ большихъ собраніяхъ ¹⁾). Благодаря согласному свидѣтельству большого числа наблюдателей, извѣстно, что туземцы Австраліи были при ихъ открытіи и остались до сихъ поръ народамъ, умъ котораго переполненъ самыми живыми представленіями о душахъ, демонахъ и божествахъ. Описанія Моффата, относящіеся къ бечуанамъ въ Африкѣ, не менѣе удивительны. Онъ говоритъ, что „эти люди никогда не слышали о безсмертіи души“; а между тѣмъ въ предыдущей фразѣ у него стоитъ, что слово, которымъ это племя обозначаетъ тѣли умершихъ, есть „лприти“ ²⁾). Въ Южной Америкѣ допъ-Феликсъ де Азара разсуждаетъ о положительной невѣрности утвержденій духовныхъ лицъ, будто туземцы племена имѣютъ религію. Онъ прямо объявляетъ, что у нихъ нѣтъ никакой религіи, тѣмъ не менѣе, въ продолженіи своего сочиненія онъ приводитъ факты, въ родѣ того, что нагвасы разрываютъ оружіе и одежды вмѣстѣ съ тѣлами умершихъ, имѣютъ нѣкоторое понятіе о будущей жизни, и что гуанасы вѣрують въ Существо, награждающее доброе и наказывающее злое. Такое неосмысленное отрицаніе религіи и чувства законности въ низшихъ расахъ этихъ странъ вполне оправдываютъ мѣткую критику д'Орбиньи: „Вотъ что онъ говоритъ о всѣхъ описываемыхъ имъ народахъ, опровергая свои собственные положенія фактами, которые онъ приводитъ для ихъ подтвержденія“ ³⁾).

Такіе примѣры показываютъ, насколько ошибочны бываютъ сужденія, если имъ придается ширина или обобщеніе употребленіемъ общихъ словъ въ ограниченномъ смыслѣ. Лангъ, Моффатъ и Азара — писатели, которымъ этнографія обязана многими цѣннымъ свѣдѣніями о видѣнныхъ ими племенахъ; но они, повидимому, не признавали религіей того, чтѣ не походило на выработанную и опредѣленную теологію высшихъ расъ. Они приписывали отсутствіе религіи племенамъ, вѣрованія которыхъ не были сходны съ ихъ собственными, и приближались въ этомъ къ теологамъ, которые столь часто называли атеистами людей, вѣровавшихъ въ другія божества, чѣмъ они. Мы находимъ такіе отзывы уже въ то время, когда древніе арійцы описывали коренныя племена Индіи какъ *адева*, т. е. безбожниковъ; или когда греки прилагали соотвѣтствующее выраженіе *ἄθεοι* къ древнимъ христіанамъ, ко-

¹⁾ J. D. Lang, «Queensland», pp. 340, 374, 390, 388, 444. Будав приписывается, стр. 379, тотемъ; онъ, повидимому, тождественъ съ Будиа.

²⁾ Moffat, «South Africa», p. 261.

³⁾ Azara, «Voy. dans l'Amérique Méridionale», vol. II, pp. 3, 14, 25, 51, 60, 91, 119 etc.; D'Orbigny, «L'Homme Américain», vol. II, p. 318.

торые не вѣрили въ ихъ классическихъ боговъ; находимъ ихъ и у теологовъ сравнительно новыхъ временъ, которые провозглашали атеистами невѣрующаго въ волшебство и апостольское преемство. Наконецъ, мы то же видимъ у теологовъ нашихъ дней, которые готовы, какъ и въ прошломъ столѣтїи, утверждать, что натуралисты, придерживающіеся теорїи постепеннаго развитія видовъ, должны поэтому по необходимости имѣть атеистическія мнѣнія ¹⁾. Эти факты представляютъ примѣры всеобщаго извращенія прямого и открытаго сужденія въ дѣлѣ теологическихъ вопросовъ, извращенія, однимъ изъ результатовъ котораго является весьма обыкновенное непониманіе религіи низшихъ расъ, поражающее всякаго ученаго, достигшаго болѣе высокой точки зрѣнія. Нѣкоторые миссіонеры, безъ сомнѣнія, вполне понимаютъ умы дикарей, съ которыми имъ приходится имѣть дѣло, и въ самомъ дѣлѣ отъ такихъ людей, какъ Кранцъ, Добрицгоферъ, Шарльвуа, Эллисъ, Гарди, Коллеуей, Уильсонъ и Уильямсъ, мы получили полнѣйшія свѣдѣнія о низшихъ фазахъ религиозныхъ вѣрованій. Но по большей части „религиозный міръ“ такъ преисполненъ ненависти и презрѣнія къ вѣрованіямъ язычковаго, — обширныя области которыхъ на земномъ шарѣ окрещены чернымъ цвѣтомъ изъ миссіонерскихъ картъ, — что у него остается мало времени или возможности понимать ихъ. Такія явленія не должны повторяться съ тѣми, которые просто стремятся понять природу и значеніе низшихъ ступеней религіи. Эти люди, вполне сознающіе тѣ нелѣпости, которыя служатъ предметами вѣры, и ужасы, совершаемые во имя этихъ вѣрованій, будутъ все-таки смотрѣть съ теплымъ участіемъ на всѣ признаки серьезнаго стремленія къ истинѣ у людей, при помощи того слабого свѣта, который былъ для нихъ доступенъ. Подобные ученые будутъ стараться отыскать смыслъ въ самыхъ грубыхъ и ребяческихъ ученіяхъ, которыя часто наиболѣе темны для тѣхъ, кто отдѣлется имъ съ наибольшимъ увлеченіемъ; они будутъ искать разумной мысли, породившей обряды, казущіеся теперь безуміемъ или грубымъ суевѣріемъ. Наградой этихъ изслѣдователей будетъ болѣе рациональное пониманіе вѣрованій людей, съ которыми они живутъ, такъ какъ человѣкъ, понимающій только одну религію, понимаетъ ее на самомъ дѣлѣ не болѣе того, сколько человекъ, знающій одинъ только языкъ, понимаетъ послѣдній. Нѣтъ человеческой религіи, которая стояла бы совершенно отдѣльно отъ другихъ, и мысли и начала современнаго христіанства имѣютъ уместныя нити далеко позади, за предѣлами до-

¹⁾ Muir, «Sanskrit Texts», part. II, p. 435; Euseb. «Hist. Eccl.», IV, 15; Bingham, book I, ch. II; Vanini. «De Admirandis Naturae Arcanis», dial. 37; Lecky, «Hist. of Rationalism», vol. I, p. 126; «Encyclop. s. v. Superstition».

христіанскихъ временъ, въ самыхъ первыхъ началахъ человѣческой цивилизаціи и, можетъ быть, даже самаго существованія человѣка.

Если наблюдатели, имѣвшіе удобные случаи для изученія религіи дикарей, относились иногда столь неразумно къ фактамъ, находившимся предъ ихъ глазами, то поспѣшныя отрицанія другихъ, высказывавшихъ сужденія, не основанныя ни на какихъ фактахъ, не могутъ, конечно, имѣть значенія. Путешественникъ XVI столѣтія даетъ чрезвычайно типическое описаніе туземцевъ Флориды: „Что касается религіи этого народа, который мы встрѣтили, — говорить онъ, — то, за недостаткомъ знанія ихъ языка, мы не могли убѣдиться ни изъ знаковъ, ни изъ жестовъ, чтобы у нихъ была какая-нибудь религія или какой-нибудь законъ вообще... Мы полагаемъ, что у нихъ нѣтъ никакой религіи, и что они живутъ каждый по своему личному произволу“ ¹⁾. Болѣе полное изученіе этихъ флоридцевъ показало однако, что у нихъ была религія, и успѣхи знанія оперегли много другихъ поспѣшныхъ сужденій въ томъ же родѣ. Такъ, напримѣръ, писатели сообщали обыкновенно, что туземцы Мадагаскара не имѣли никакого понятія о будущей жизни и никакихъ словъ для обозначенія души или духа ²⁾; Дампиръ, собиравшій свѣдѣнія о религіи туземцевъ Тимора, узналъ, что у нихъ не было никакой религіи ³⁾; а сэръ Т. Ро, который высадился въ Салданья-Бэй на пути ко двору Великаго Могола, замѣтилъ относительно готтентотовъ, „что они оставили свою привычку воровать, но не имѣютъ никакого понятія о Богѣ или о религіи“ ⁴⁾. Въ числѣ многочисленныхъ свѣдѣній, собранныхъ сэромъ Джономъ Луббокомъ въ доказательство отсутствія или низкаго развитія религіи у низшихъ расъ ⁵⁾, можно найти многое, что подлежитъ открытой критикѣ съ этой точки зрѣнія. Такъ, увѣренія, что туземцы острововъ Самоа не имѣютъ религіи, не могутъ устоять противъ подробнаго описанія вѣровавій самоанцевъ, составленнаго достопочтеннымъ Г. Тернеромъ; точно также увѣреніе, что тупинамбы въ Бразиліи не знаютъ никакой религіи, не можетъ быть принято безъ какихъ-либо болѣе положительныхъ доказательствъ, такъ какъ религіозныя вѣрованія и обряды племени Тупи были описаны у Лери, Де-Лаэта и другихъ авторовъ. Даже съ большой тратой времени и труда и при полномъ

¹⁾ J. de Verrazano in Hakluyt, vol. III, p. 300.

²⁾ См. Ellis, «Madagascar», vol. I, p. 429; Flacourt, «Hist. de Madagascar», p. 59.

³⁾ Dampier, «Voyages», vol. II, part. II, p. 76.

⁴⁾ Roc in Pinkerton, vol. VIII, p. 2.

⁵⁾ Lubbock, «Prehistoric Times», p. 564; см. также: «Origin of Civilization», p. 138.

знаніи языка не всегда легко узнать отъ дикарей подробности ихъ теологии. Они скорѣе стараются скрыть отъ жаднаго и презрительнаго иностранца свое поклоненіе богамъ, и послѣдніе, подобно своимъ поклонникамъ, бѣгутъ предъ лицомъ бѣлаго челоука и его болѣе могущественнаго Бога. Наблюденія Спрота на Ванкуверовомъ островѣ служатъ убѣдительнымъ примѣромъ такого положенія вещей. Онъ говоритъ: „Я жилъ два года среди атовъ, не переставая интересоваться постоянно ихъ религіозными вѣрованіями, прежде чѣмъ могъ открыть у нихъ какія-либо идеи относительно управляющей нами власти или будущей жизни. Береговые торговцы и другія лица, хорошо знакомыя съ народамъ, говорили мнѣ, что у него вовсе нѣтъ подобныхъ идей, и это мнѣніе подтверждалось разговорами со многими изъ менѣе развитыхъ дикарей; но, подѣ конецъ, мнѣ удалось найти нужную мнѣ путеводную нить“¹⁾. Тогдаже явлено, что аты все время скрывали цѣлую характерную систему религіозныхъ ученій относительно душъ и ихъ переселеній, духовъ, дѣлающихъ людямъ добро или зло, и великихъ боговъ, стоящихъ выше этихъ духовъ. Такимъ образомъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не найдено никакихъ положительныхъ указаній на религіозныя идеи у какого-нибудь отдѣльнаго племени, слѣдуетъ принимать съ недовѣріемъ отрицанія всякаго наблюдателя, отношенія котораго къ разбираемому племени не были близки и дружественны. Напримѣръ, про Андаманскихъ островитянъ говорится, что у нихъ нѣтъ даже самыхъ грубыхъ элементовъ религіознаго вѣрованія²⁾. Между тѣмъ оказывается, что туземцы не познакомили его даже съ грубой музыкой, существовавшей у нихъ, такъ что едва ли можно было предположить съ ихъ стороны сообщительность относительно религіи, если бы она и была у нихъ. Въ наше время самое поразительное отрицаніе религіи дикихъ племенъ встрѣчается у сэра Сэмюэля Бекера въ отчетѣ, представленномъ въ 1866 году Лондонскому Этнологическому обществу. Здѣсь мы читаемъ: „Самыя сѣверныя племена Вѣлаго Нила суть: Динка, Шилуку, Нуэръ, Кичъ, Боръ, Алиабъ и Ширъ. Общаго описанія будетъ достаточно для всѣхъ, исключая племена Кичъ. У всѣхъ, безъ исключенія, не встрѣчается никакого понятія о Высшемъ Существѣ. У нихъ нѣтъ также никакого рода богопочитанія или идолопоклонства; темнота ихъ ума не осѣщена даже ни однимъ лучомъ суевѣрія“. Если бы этотъ уважаемый исследователь говорилъ о племени

¹⁾ Sprout, «Scenes and Studies of Savage Life», p. 205.

²⁾ Mouat, Andaman Islanders», pp. 2, 279, 303. Съ тѣхъ поръ какъ предъдущее было написано, Э. Г. Мэпъ помѣстилъ описаніе замѣчательной религіи андаманцевъ въ «Journ. Anthropol. Inst.», vol. XII (1883), p. 156.

Латукъ или другихъ племенахъ, извѣстныхъ этнографамъ только изъ его сношеній съ ними, то его сообщенія могли бы, по крайней мѣрѣ, назваться лучшими изъ существующихъ, пока болѣе подробное описаніе не подтвердило бы или не опровергло ихъ. Но, говори такимъ образомъ о сравнительно хорошо извѣстныхъ племенахъ, напр., Динка, Шиллукъ и Нуаръ, сэръ Бекеръ, повидимому, не впадаетъ существованія обнародованныхъ описаній о жертвоприношеніяхъ динковъ, объ ихъ вѣрованіяхъ въ добрыхъ и злыхъ духовъ (*adjok* и *djuok*), объ ихъ добромъ божествѣ и творцѣ, живущемъ на небѣ „Дендидъ“; точно также о Неарѣ, божествѣ нуаровъ, и творцѣ у племени Шиллукъ, который описывается постицающимъ, подобно другимъ богамъ, священнѣйшѣе или дерево. Кауфманъ, Вренъ-Ролле, Лезанъ и другіе наблюдатели представили положительныя свѣдѣнія о религіи этихъ племенъ Вѣлаго Нила цѣлыми годами равьше, чѣмъ сэръ Бекеръ столь коситѣльно отвергъ у нихъ существованіе какой бы то ни было религіи¹⁾.

Первое, что представляется необходимымъ при систематическомъ изученіи религіи низшихъ расъ, состоитъ въ основномъ опредѣленіи самой религіи. Если въ этомъ опредѣленіи требовать вѣрованія въ верховное божество или судъ послѣ смерти, поклоненія идоламъ, обычаявъ жертвоприношенія или другихъ какихъ-либо болѣе или менѣе распространенныхъ ученій или обрядовъ, то, конечно, придется исключить многія племена изъ категоріи религіозныхъ. Но столь узкое опредѣленіе имѣетъ тотъ недостатокъ, что оно отождествляетъ религію скорѣе съ частными проявленіями вѣрованій, чѣмъ съ болѣе глубокою мыслью, которая лежитъ въ основѣ ихъ. Цѣлесообразнѣе будетъ стать сразу у этого главнаго источника и принять за ближайшее опредѣленіе религіи вѣрованіе въ духовныя существа. Если приложить эту мѣрку къ описанію низшихъ расъ въ отношеніи ихъ религіи, получатся слѣдующіе результаты. Нельзя положительно утверждать, что каждое изъ живущихъ племенъ признаетъ существованіе духовныхъ существъ, потому что первобытное состояніе значительнаго числа ихъ въ этомъ отноше-

¹⁾ Baker, «Races of the Nile Basin», in *Fr. Eth. Soc.*, vol. V, p. 231; «The Albert Nyanza», vol. I, p. 246. См. Kaufmann, «Schilderungen aus Centralafrika», p. 123; Brun-Rollet, «Le Nil Blanc et le Soudan», pp. 100, 222, также pp. 164, 200, 234; G. Lejean in «Rev. de Deux M.» April 1, 1862, p. 760; Waitz, «Anthropologie», vol. II, p. 72—75; Bastian, «Mensch», vol. III, p. 208. Дрягге случаи отрицанія религіи у дикихъ племенъ, основанные на узкихъ сужденіяхъ или недостаточныхъ фактахъ, встрѣчаются въ «Meiner's Gesch.», vol. I, pp. 11—15 (Австраліицы и Калифорніицы); Waitz, «Anthropologie», vol. I, p. 323 (Остро-вѣтыяне Ару и дрягге); Farrar въ *Anthrop. Rev.* Aug. 1864, p. CCX, v. II (Каффы и др.); Martius, «Ethnogr. Amer.», vol. I, p. 583 (Маиоасы).

ни темнѣе, и вслѣдствіе быстрыхъ измѣненій или вымиранія племенъ оно можетъ остаться совсѣмъ неизвѣстнымъ. Еще менѣе основательно было бы принимать, что каждое племя, упоминаемое въ исторіи или извѣстное намъ по древнимъ памятникамъ, безусловно обладало принятымъ нами minimum'омъ религіи. Но, конечно, всего перазумнѣе было бы признавать такое зачаточное вѣрованіе естественнымъ или инстинктивнымъ у всѣхъ человѣческихъ племенъ во всѣ времена. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ никакихъ фактовъ, оправдывающихъ мнѣніе, что человѣкъ, способный, какъ извѣстно, къ столь широкому умственному развитію, не могъ возмѣститься изъ нерелигіознаго состоянія, предшествовавшаго тому религіозному уровню, къ которому онъ пришелъ въ настоящее время съ достаточною ясностью, въ предѣлахъ нашихъ знаній. Желательно было бы, впрочемъ, взять за основаніе нашихъ изслѣдованій наблюденіе, а не умозрѣніе. Здѣсь, насколько я могу судить на основаніи громаднѣйшей массы фактовъ, мы должны допустить, что вѣрованіе въ духовныя существа оказывается у всѣхъ низшихъ расъ, которыхъ удалось узнать ближе; тогда какъ свѣдѣнія объ отсутствіи такого вѣрованія относятся или къ древнимъ племенамъ, или къ болѣе или менѣе неполно описаннымъ современнымъ народамъ. Точное значеніе такого положенія вещей для вопроса о происхожденіи религіи можетъ быть вкратцѣ выражено въ слѣдующихъ словахъ. Если бы было ясно доказано, что безрелигіозные дикари существуютъ или существовали, эти послѣдніе могли бы служить по крайней мѣрѣ представителями состоянія челоуѣка прежде, чѣмъ онъ достигъ религіознаго физиса культуры. Не желательно, впрочемъ, чтобы подобный аргументъ былъ употребленъ въ дѣло, такъ какъ указанія племенъ, не знающихъ религіи, опираются, какъ мы видѣли, на факты, часто ложно понятыя и всегда лишенные доказательности. Доводы въ пользу естественнаго и постепеннаго развитія религіозныхъ идей въ челоуѣческомъ родѣ не теряютъ своей силы, если мы отвергнемъ союзника, пока еще слишкомъ слабаго, чтобы служить надежной опорой. Племена, не знающія религіи, можетъ быть, не существуютъ въ наши дни, но этотъ фактъ въ вопросѣ о постепенномъ развитіи религіи значить не болѣе, чѣмъ невозможность найти въ настоящее время англійское селеніе, въ которомъ бы не было вожицъ, книгъ или спичекъ,—по отношенію къ факту, что было время, когда въ странѣ не знали подобныхъ вещей.

И наирѣзъ прослѣдить здѣсь подъ именемъ „анимизма“ глубоко присущее челоуѣку ученіе о духовныхъ существахъ, которое служитъ воплощеніемъ сущности спиритуалистической философіи въ противоположность матеріалистической. Анимизмъ не представляетъ новаго тех-

пическаго термина, хотя и употребляется теперь очень рѣдко¹⁾. Вслѣдствіе его особаго отношенія въ ученію о душѣ, онъ будетъ чрезвычайно удобенъ для выясненія принятаго здѣсь воззрѣнія на способъ развитія теологическихъ идей въ человѣческомъ родѣ. Слово „спиритуализмъ“, хотя оно можетъ употребляться и употреблялось во многихъ случаяхъ въ очень широкомъ смыслѣ, имѣетъ для насъ тотъ недостатокъ, что оно служитъ для обозначенія особой современной секты, придерживающейся самыхъ крайнихъ спиритуалистическихъ воззрѣній, которыя однако не могутъ быть приняты за типическое выраженіе этихъ взглядовъ въ цѣломъ мірѣ. Слово „спиритуализмъ“ въ самомъ широкомъ его значеніи, т.-е. общее ученіе о духовныхъ существахъ, замѣнено у насъ словомъ „анимизмъ“.

Анимизмъ характеризуетъ племена, стоящія весьма низко на ступеняхъ челоѣчества, и поднимается отсюда безъ перерывовъ, но глубоко видоизмѣненный при переходѣ въ среду высокой современной культуры. Тамъ, гдѣ отдѣльныя личности или цѣлыя школы придерживаются противныхъ мнѣній, послѣднія можно обыкновенно объяснить не низкой степенью цивилизаціи, но позднѣйшими измѣненіями въ ходѣ интеллектуальнаго развитія, какъ уклоненія отъ вѣры предковъ или какъ отрицаніе ея. Такія позднѣйшія уклоненія, однако, вовсе не мѣшаютъ изученію основнаго религіознаго состоянія челоѣчества. Анимизмъ составляетъ, въ самомъ дѣлѣ, основу философіи, какъ у дикарей, такъ и у цивилизованныхъ народовъ. И хотя на первый взглядъ онъ представляется какъ бы сухое и бѣдное опредѣленіе minimum'a религіи, мы найдемъ его на практикѣ вполне достаточнымъ, потому что гдѣ есть корни, тамъ обыкновенно развиваются и вѣтви. Обыкновенно находятъ, что теорія анимизма распадается на два главныхъ догмата, составляющихъ части одного цѣльнаго ученія; первый изъ нихъ обнимаетъ душу отдѣльныхъ существъ, способную продолжать существованіе послѣ смерти или уничтоженія тѣла; другой обнимаетъ собою остальныхъ духовъ, поднимаясь до высоты могущественныхъ боговъ. Принимаютъ, что духовныя существа управляютъ явленіями матеріальнаго міра и жизнью челоѣка, или вліяютъ на нихъ здѣсь и за гробомъ; такъ какъ далѣе думаютъ, что они сообщаются съ людьми, что поступки послѣднихъ до-

¹⁾ Названіе это употреблялось для обозначенія ученія Сталя, который основывалъ въ то же время теорію флогистона. Анимизмъ Сталя представляетъ возрожденіе и развитіе въ соотвѣтствующей времени научной формѣ древне-классической теоріи, которая отождествляла жизненное начало съ душой. См. «Theoria Medica Vera», Halle, 1737, и критическій разборъ его взглядовъ Lemoine, «Le Vitalisme de Stahl», Paris, 1864.

ставляют имъ радость или неудовольствіе, то, рано или поздно, въра въ ихъ существованіе должна привести естественно, и можно даже сказать, неизбежно, къ дѣйствительному почитанію ихъ или желанію ихъ умилостивить. Такимъ образомъ, анимизмъ, въ его полномъ развитіи, обнимаетъ собою вѣрованія въ управляющія божества и подчиненные имъ духи, въ душу и въ будущую жизнь—вѣрованія, которыя переходятъ на практикѣ въ дѣйствительное поклоненіе. Весьма важный элементъ религіи, именно тотъ нравственный элементъ, который для насъ составляетъ самую живящую часть ея, встрѣчается весьма слабо выраженнымъ въ религіи низшихъ расъ. Не то, чтобы онѣ не имѣли нравственного чувства или нравственного идеала—и то, и другое есть у нихъ, хотя и не въ формѣ опредѣленнымъ ученій, но въ томъ традиціонномъ сознаніи, которое мы называемъ общественнымъ мнѣніемъ и которое опредѣляетъ у насъ добро и зло. Дѣло въ томъ, что соединеніе нравственной и анимистической философіи, столь тѣсное и могущественное въ высшей культурѣ, повидному, едва начинается въ низшей. Я почти не намѣренъ касаться чисто моральнаго характера религіи, но изучить анимизмъ на явномъ ширѣ, насколько онъ составляетъ древнюю и новую философію, которая въ теоріи выражается въ формѣ вѣры, а на практикѣ въ формѣ почитанія. Пытаясь обработать матеріалъ для изслѣдванія, которое оставалось до сихъ поръ въ странномъ пренебреженіи, я буду имѣть задачею представить со всевозможною ясностью основной анимизмъ низшихъ расъ и прослѣдить въ общихъ чертахъ его ходъ до высшихъ областей цивилизаціи. Мнѣ хотѣлось бы здѣсь разъ навсегда установить два главные принципа, которыми управлется настоящее изслѣдованіе. Во-первыхъ, религіозныя ученія и обряды разсматриваю здѣсь, какъ части теологическихъ системъ, открытыхъ человѣческимъ умомъ, независимо отъ сверхъестественной помощи или откровенія; другими словами, какъ дальнѣйшія ступени развитія естественной религіи. Во-вторыхъ, мы будемъ разбирать связь между сходными понятіями и обрядами въ религіяхъ дикарей и цивилизованныхъ народовъ. При разсматриваніи съ нѣкоторой подробностью ученій и обрядовъ низшихъ расъ мнѣ придется по особымъ причинамъ останавливаться на сходныхъ съ ними ученіяхъ и обрядахъ высшихъ націй; но я не считаю своею задачею разрабатывать подробно вопросы, возникшіе такимъ путемъ между различными ученіями и вѣрованіями христіанства. Такія приложенія стоятъ слишкомъ далеко отъ прямого предмета сочиненія о первобытной культурѣ, и потому я буду упоминать о нихъ лишь въ общихъ выраженіяхъ, или ограничиваться лишь легкими намеками, или, наконецъ, констатировать ихъ безъ всякихъ замѣчаній. Образо-

ванные читатели обладают достаточными знаниями, чтобы понять ихъ общее значеніе въ теологіи, а чисто спеціальное обсужденіе должно быть предоставлено философамъ и теологамъ по профессіи.

Первымъ вопросомъ разбираемаго нами предмета будетъ ученіе о человеческой и другихъ душахъ; разборъ его займетъ остальную часть настоящей главы. Характеръ ученія о душѣ у низшихъ расъ можно объяснить теоріей развитія его. Поидяному, мыслящихъ людей, стоящихъ на низкой степени культуры, всего болѣе занимали двѣ группы біологическихъ вопросовъ: Во-первыхъ, что составляетъ разницу между живущимъ и мертвымъ тѣломъ; что составляетъ причину бдѣнія, сна, экстаза, болѣзни и смерти? во-вторыхъ, что такое человѣческіе образы, представляющіеся въ снахъ и видѣніяхъ? Видя эти двѣ группы явленій, древніе дикари-философы, вѣроятно, прежде всего сдѣлали очевидное заключеніе, что у каждаго человѣка есть жизнь и есть призракъ. То и другое, видимо, находится въ тѣсной связи съ тѣломъ: жизнь даетъ ему возможность чувствовать, мыслить и дѣйствовать, а призракъ составляетъ его образъ или второе я; и то и другое, такимъ образомъ, отдѣльно отъ тѣла: жизнь можетъ уйти изъ него и оставить его безчувственнымъ или мертвымъ, а призракъ показывается людямъ вдали отъ него. Для нашихъ философовъ не трудно было сдѣлать и второй шагъ; мы это видимъ изъ того, какъ крайне трудно было цивилизованнымъ людямъ упитчить это представленіе. Дѣло заключалось просто въ томъ, чтобы соединить жизнь и призракъ. Если то и другое принадлежать тѣлу, почему бы имъ не принадлежать другъ другу и не быть явленіями одной и той же души? Поэтому, ихъ можно разсматривать, какъ связанные между собою, и въ результатѣ является общезвѣстное понятіе, которое можетъ быть названо призрачной душой. Понятіе о личной душѣ или духѣ у низшихъ расъ можетъ быть опредѣлено слѣдующимъ образомъ: душа есть тонкій, невещественный человѣческій образъ, по своей природѣ ничто въ родѣ пара, воздуха или тѣли; она составляетъ причину жизни и мысли въ томъ существѣ, которое одушевляетъ; она обладаетъ нераздѣльно личнымъ сознаніемъ и волею своего тѣлеснаго обладателя въ прошломъ и въ настоящемъ; она способна покидать тѣло и переноситься быстро съ мѣста на мѣсто; болѣею частью неосознаема и невидима, она обнаруживаетъ также физическую силу и является людямъ спящимъ и бодрствующимъ, преимущественно какъ фантазмъ, отдѣленный отъ тѣла, но сходный съ нимъ; она способна входить въ тѣла другихъ людей, животныхъ и даже вещей, имѣть ихъ въ своей власти и дѣйствовать въ нихъ. Хотя это опредѣленіе не можетъ имѣть всеобщаго примѣненія, оно во всякомъ случаѣ довольно широко,

чтобы быть принятым за норму, измененную большим или меньшим различием между отдельными народами. Хотя эти всемирные позрѣнія далеко не составляютъ произвольныхъ или условныхъ продуктовъ сознанія, но лишь въ рѣдкихъ случаяхъ можно смотрѣть на нихъ однообразіе у различныхъ расъ, какъ на доказательство какой бы то ни было связи между ними. Они представляютъ ученіе, наиболѣе отвѣчающее непосредственной очевидности человѣческихъ чувствъ, выясняемое возможно положительно и рационально первобытной философій. И въ самомъ дѣлѣ, первобытныя вниманія настолько удовлетворительно объясняютъ факты, что онѣ удержались свое мѣсто даже въ высшихъ слояхъ культуры. Хотя классическая и средневѣковая философія во многомъ изменила его, а современная философія обошлась съ нимъ еще болѣе безощадно, онѣ настолько сохранили слѣды своего первоначальнаго характера, что въ существующей теперь психологіи цивилизованнаго міра видны еще слѣды наслѣдства отъ первобытныхъ временъ. Изъ огромной массы фактовъ, собранныхъ изъ жизни самыхъ разнообразныхъ и наиболѣе отдаленныхъ другъ отъ друга человѣческихъ расъ, можно выбрать типическія подробности, выказывающія древнѣйшее ученіе о душѣ, отношенія отдельныхъ частей этого ученія къ цѣлому, и тѣ пути, по которымъ эти части отбрасывались, видоизмѣнялись или сохранялись при дальнѣйшемъ ходѣ культуры.

Для пониманія ходячихъ представленій о человѣческой душѣ или духѣ будетъ полезно обратить вниманіе на тѣ слова, которыя намши удобными для выраженія ихъ. Духъ, или фаунтазмъ, являющійся спящему или духовядцу, имѣетъ видъ тѣни, и такимъ образомъ послѣднее слово вошло въ употребленіе для выраженія души. Такимъ образомъ у тасманійцевъ одно и то же слово обозначаетъ духъ и тѣнь¹⁾. Индѣйцы алгонкинскаго племени называютъ душу *ota hohuk*, что значитъ „его тѣнь“²⁾; на языкѣ виче слово *matub* значитъ „тѣнь и душа“³⁾; аравакское *ueja* значитъ „тѣнь, душа и образъ“⁴⁾; абипоны употребляютъ слово *loyka* для тѣни, души, отклика и образа⁵⁾. Зулусы не только употребляютъ слово *tunzi*, какъ „тѣнь, духъ и душа“, но принимаютъ, что при смерти тѣнь человѣка покидаетъ извѣстнымъ образомъ его тѣло, чтобы сдѣлаться домашнимъ духомъ⁶⁾. Басуты не

¹⁾ Bonwick, «Tasmanians», p. 182.

²⁾ Tanner's «Narr.», ed. by James, p. 291.

³⁾ Brasseur, «Langue Quichéo», s. V.

⁴⁾ Martius, «Ethnogr. Amer.», vol. I, p. 705; v. II, p. 310.

⁵⁾ Dobrizhofer, «Abipones», vol. II, p. 194.

⁶⁾ Döhne, «Zulu Dic.», s. v. «Tunzi»; «Callaway», «Rel. of Amazulu», pp. 91, 126; «Zulu Tales», vol. I, p. 342.